

не сказал: «Слушай-ка, еврей, что у тебя за чертов кашель!» На что еврей ответил: «Я кашляю дождем». – «Как, – возмутился крестьянин, – ты можешь кашлять дождем и ты так долго не приезжал?» – «Да, – сказал еврей, – я могу и впрямь кашлять дождем, и такой дождь сидит во мне давно». Тогда взбеленился другой крестьянин, уже совершенно пьяный; он схватил еврея за шиворот и принялся таскать его по беседке, пиная ногами и приговаривая: «Ах ты, скверный еврейский пес, ты так долго держал в себе дождь и не выпускал его ни в какую; сколько же ты погубил вина, плодов и кормов; это все уродилось бы, если бы ты изверг столь сильный дождь». Еврей завопил: «Каравул, помогите! Я не это хотел сказать, вы меня не поняли. Позвольте, я все вам объясню!»

Другие сообразили, что шутка зашла чересчур далеко, и помирились с евреем. Еврей не стал ждать новых тумачков; он пожелал как следует умыться, и для него не пожалели щелока. Потом еврей сел на свою лошадь и поехал дальше своей дорогой. Словом, этот еврей поперхнулся дождем, как оденвальдская крестьянка снегом.

49

ПРОСТОВАТАЯ БАБЕНКА ПОВЕСТВУЕТ, КАК ОНА ОСКОРОМИЛАСЬ В ПОСТ

Во многих местах полагается исповедовать простой народ великим постом, а именно на Страстной неделе; тогда, дескать, духовная жизнь хоть малость дает себя знать. А как минует Пасха, так духовной жизни в помине нет, ибо мы прогоняем Иуду за ограду, а сами ходим по церковным праздникам, и Закхею на сумрачной всенощной не слаще, чем Иуде; кричим, поем, хлещем розгами, а о страстях Господних мало думаем. О Закхее проповедуют во всех церквах, но никто не подражает его деяниям. Закхей влез на смоковницу, дабы лицезреть Господа, и когда Господь призвал его, он оставил все мирские вожделения, последовав за Господом. Мы же всё переиначиваем: чем больше мы внимаем Евангелию о Закхее, тем своевольнее отступаем от Господа и Его Слова и бежим Церкви чревоугодия ради. Так же и с исповедью. Каждый мнит, что главное – отвести людям глаза. Так вот и та добрая женщина: она пришла к духовному отцу и по простоте душевной выложила свои грехи. Наконец, когда она запнулась, тот принялся выспрашивать, но выспрашивал сущие пустяки. Так, он осведомился, ела ли она яйца и мясо великим постом. Крестьянка призналась: «Да, сударь, но не все время». Священник сказал: «Добрая женщина, вы совершили великий, тяжелый грех; вам подобало бы искупить его перед нашим святым отцом папой». – «Ах, сударь, – сказала она, – я не знала, что у святого отца можно купить яйца и мясо; я бы лучше платила деньги ему, чем нашим мясникам; все равно мясо даром не дают, а тут еще выстави столько времени у прилавка».

Так она ответила, когда ее спросили, а какой толк в таких исповедях, предоставляю судить тому, кто более меня сведущ в подобных делах.

50

КАК ОДИН ГОСПОДИН ЗАПРЕТИЛ СВОИМ КРЕСТЬЯНАМ СКВЕРНОСЛОВИТЬ

Жил-был в замке добрый, благочестивый, старый рыцарь, и ему принадлежала большущая деревня, населенная такими злыми, распущенными крестьянами, что он никак не мог с ними ближе сойтись; ни перед каким кощунством они не останавливались, ни во что не ставили заветы и заповеди. Богохульство было им особенно строго запрещено, однако, как говорится, горбатого могила исправит. Наконец, добрый господин пожалел их жен и детей, полагая, что отцы разорят их вчистую. Вот и издал он указ, установив за богохульство не только денежную пеню, но и телесное наказание. Прошло немного времени, и многие были уличены и крепко наказаны, кто тюрьмой, кто позорным столбом, кое-кому отрезали языки, а самых закоренелых даже казнили. Словом, дело дошло до того, что крестьяне почувствовали острастку, хоть это и было для них